

БИТВА ЗА РОССИЮ

ВЛАДИМИР ХОТИНЕНКО

НОВЫЕ РУССКИЕ
БЕСЫ

Владимир Хотиненко

Новые русские бесы

Серия «Битва за Россию»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8952778

Владимир Хотиненко. Новые русские бесы: Алгоритм; Москва; 2014

ISBN 978-5-4438-0900-7

Аннотация

«Бесы» – злободневный роман Федора Михайловича Достоевского. Гениальное пророчество Федора Михайловича о том, что «Иваны, не помнящие родства», люди, ненавидящие русскую жизнь и не признающие национальные особенности России, могут привести страну к гибели, актуально, как никогда. Борьбу с «бесовщиной» в наши дни продолжает крупнейший режиссер Владимир Хотиненко, автор таких шедевров как «Зеркало для героя», «Мусульманин», «72 метра», «Поп», «Достоевский», и многих других. Последняя работа Хотиненко – сериал «Бесы» по роману Достоевского. Подобно великому русскому писателю, Хотиненко не побоялся резко и честно бросить в лицо русскоязычной «бесовщины» гневные слова обличения. В своей книге он смело срывает с либералов всех мастей и направлений фиговый листок «общемировых ценностей», и в то же время показывает путь спасения – русскую православную традицию, русскую культуру, русскую

цивилизацию. Хотиненко не обходит стороной и ситуацию на Украине: он пишет, почему отказался снимать фильм по книге Турчинова, и.о. президента Украины, и что дало присоединение Крыма к России.

Содержание

Россия мешает окончательной победе чертовщины	6
Все свои фильмы я снимаю как человек православный	6
В верующих людей труднее поселить зло	19
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Владимир Хотиненко

Новые русские бесы

© Хотиненко В.И., 2014

© ООО Издательство «Алгоритм», 2014

* * *

Россия мешает окончательной победе чертовщины

Все свои фильмы я снимаю как человек православный

(Интервью В.И. Хотиненко для журналиста К. Кашири-
ной)

Фильм режиссера Владимира Хотиненко «Паломничество в Вечный город» – первый совместный кинопроект Ватикана и Русской православной церкви.

Съемку фильма осуществлял Центр «Православная энциклопедия».

Картина состоит из пяти серий. Первая посвящена апостолу Петру, ее ведет Кишиитоф Занусси. Во второй серии Владимир Машков рассказывает об апостоле Павле. Третья серия – о первых христианских мучениках, ведущий – Юрий Соломин. Далее следует серия о первых христианках, ведет ее Ирина Купченко. Заключает фильм рассказ об императоре Константине и императрице Елене, прекращении гонений и становлении христианства как официальной религии, в роли ведущего выступает Никита Михалков.

Съемки картины во многом уникальны. Они велись в Ри-

ме в подземной части собора святого Петра, где находится старое кладбище и могила апостола Петра, в Мамертинской темнице (куда были заключены перед казнью Петр и Павел), в других древних римских храмах, где хранятся христианские святыни, а также в древних катакомбах.

– Владимир Иванович, как появилась идея снять фильм «Паломничество в вечный город»? Почему вы обратились к историческому жанру?

– Идея принадлежит не мне. Насколько я знаю, она родилась в церковно-научном центре «Православная энциклопедия». Пригласили меня. Но я тогда делал «Гибель Империи», у меня были съемки и совершенно не было времени. А тема-то ответственная, ей нельзя заниматься мимоходом. И я и отказался. Потом мне позвонили еще раз. Даже моя жена подключилась и... убедила. Вообще-то достаточно длительный это был процесс, я робел. Я представлял сложности, с которыми столкнусь. Тем более, сценария не было... Но в конце концов я решился. После этого отступать уже было некуда. Необходимо было в этот материал погрузиться, изучить. Мои знания, при всем моем интересе к этой теме, все равно поверхностные...

– Но интерес все же был?

– Интерес у меня был всегда. Конечно, я был в теме, как любой православный человек. Но я и не предполагал, какие вещи мне откроются в процессе работы. Я бы даже сказал, горизонты. Мой взгляд на происшедшие почти две ты-

сячи лет назад события совершенно изменился. Я думаю, нам правильно удалось выбрать камертон. Мы решили не поражать зрителей знаниями или объемом информации, у нас другая цель – рассказать о живых людях. Я даже отказался от предложений поснимать на Афоне, в Иерусалиме, чтобы не превращать все в клуб кинопутешественников.

– *Это совместный проект?*

– Да, этот фильм – совместный проект Ватикана и Православной церкви. В этом, кстати, тоже была некоторая сложность: нужно было построить съемки так, чтобы отразить общие взгляды на события и не угробить первый шаг к сближению. Сама идея родилась в «Православной энциклопедии». Но разрешил Ватикан. Без его помощи мы бы не смогли свободно снимать в Риме. Они смотрели и утверждали сценарий, и так далее. Фильм будет в пяти сериях: первая – это апостол Петр, вторая – апостол Павел, третья – мученики-мужчины, четвертая – мученицы-женщины и пятая серия – Константин и Елена.

– *Вы довольны результатом?*

– Да, основная задача выполнена. Люди, которые для многих были символами, далекими, абстрактными персонажами – ожили. Они страдают, жертвуют жизнью ради своих идей, ради веры... Я заново открыл для себя апостола Павла. Фантастический человек! И его послания. Много раз их перечитывал, но никогда их так не чувствовал, как во время съемок.

– *Вам разрешили снимать могилу апостола Петра. За*

всю историю кинематографа такое разрешение до вас давали лишь один раз.

– Да, до этого там сам Ватикан что-то делал и фирма Sony, которая реставрировала Сикстинскую капеллу. Больше там никто не снимал – это совершенно уникальные кадры. Плюс у нас есть потрясающие съемки с крыши Собора святого Петра. До нас никто этот ракурс не использовал. А нам удалось снять очень сложный и красивый кадр, он производит сильное впечатление. Я говорю «красивый», потому что я и хотел сделать красивую, драматичную, во всех отношениях духовную историю. Не хотелось просто пугать людей ужасами, которые действительно тогда происходили.

– Но вы снимали фильм не просто о людях, которые жили 2000 лет назад, а о святых. Что-то в вас самом изменилось?

– Знаете, что бы я ни ответил на этот вопрос, все будет выглядеть голословно. Но думаю, изменилось... Я открыл для себя и апостола Павла, и апостола Петра. Павел – яркий, оставил множество посланий, в подлинности которых просто невозможно усомниться. Чего стоит одна реплика: «Я сказал Петру при всех...»! Да она подтверждает достоверность посланий больше, чем уйма исследований! Эта интонация для меня лучшее свидетельство того, что это подлинные слова, подлинные мысли, чувства, характер... И у каждого из них своя драма. У Петра – отречение от Спасителя. У Павла – то, что он не видел Христа. Он всю жизнь нес этот крест.

Его даже обвиняли в этом: вот, мол, сам Иисуса даже не видел, как же он может нас учить? И Павел преодолевал это постоянно. Потрясающе! Конечно, всего этого не передашь. У меня внутри осталось больше, чем удалось показать...

— *А хочется продолжить работать в этом жанре?*

— Когда я снял фильм «Мусульманин», это был самый популярный вопрос: не хочется ли продолжить? Не знаю. Хочется – не хочется... Для того чтобы продолжить, должен быть определенный повод, материал и стечение обстоятельств. За этот проект я взялся вопреки всему. Значит, так нужно, значит, это – судьба. Для меня это был риск: фильм документальный, это, как теперь говорят, не мое поле. Хотя я утверждал и продолжаю утверждать, что режиссура – профессия универсальная. И если ты профессионал, ты сможешь, ты должен уметь сделать хоть анимационный, хоть документальный фильм. Профессия такая. Все равно, что хирург. Ну да, у тебя специализация немножко другая, но если нужно будет помочь, хирург должен сделать операцию и не своего профиля. Я снимал «Мусульманина» не для мусульман, а для православных. Более того, абсолютно все свои фильмы я снимаю как человек православный. Для этого совсем не обязательно перед собой крест нести. Это может растворяться в содержании, в стиле и так далее. Для этого не всегда обязательно, а иногда даже вредно брать непосредственно православные темы. Хотя сейчас мы с «Православной энциклопедией» готовим проект о Псковской миссии.

Это малоизвестная история времен Второй мировой войны. Тогда Гитлер хотел использовать священников для поддержки своего режима на оккупированной территории, потому что в Советском Союзе Православие преследовалось. А когда немцы поняли, что батюшки не выполняют этой функции, их стали убивать. Потом пришли красные и добились оставшихся... Вот такая трагичная история.

– *И на какой стадии работа над этим проектом?*

– На стадии подготовки, написания сценария. Но основа есть, мы знаем, о чем говорить. Это сложный проект, его надо долго готовить. Вообще, все, что непосредственно связано с религиозной темой – очень опасно, вернее рискованно. Всегда есть искушение впасть в морализаторство. А это может народ отпугнуть. Религиозная тема намного сложнее любой другой, так как затрагивает тайны, подход к которым у каждого человека сугубо индивидуален. В фильме «Паломничество в вечный город» есть сюжет о Константине Великом. У нас это всего одна серия, а можно было грандиозный фильм снять, блокбастер. Его жизнь полна противоречий и драматизма... Мне много раз предлагали снимать на религиозные темы, но я отказывался. За «Мусульманина» взялся только потому, что увидел необычный угол зрения на проблему.

– *Кстати, у вас там два основных верующих персонажа – священник и главный герой. Почему батюшка так невозмутимо спокоен, хотя видит ту же действительность, ко-*

торая ужасает мусульманина?

– Я понимаю, что это спорная точка зрения, но по моему глубочайшему убеждению, в «Мусульманине» очень правильно расставлены акценты. Ведь когда мать Коли Иванова пришла к священнику и рассказала, что ее сын стал мусульманином, помните ее реплику? «Молись, сказал батюшка, а больше ничего не сказал». Тот, кто верит в силу молитвы, поймет правильно. Дело не в том, что православие пассивно, а ислам активен. Просто это совершенно разные дороги, разные пути для души, а приводят ли они к одному или не приводят, не знаю. Понятен соблазн взять и сделать православие энергичным, с активными проповедниками. В Европе таких пастырей все время по телику показывают: огромные залы-стадионы, и энергичный пастырь им что-то рассказывает. Есть в этом что-то от большевизма. Что-то, что меня лично отпугнуло бы. Меня 25 лет назад никто не агитировал креститься. Я сам почувствовал в этом потребность, хотя вырос в атеистической семье. Моя мама крестилась позже меня, когда умер отец. Я ей по телефону диктовал «Отче наш» и «Символ веры».

Я лично считаю, что эти вещи нельзя инспирировать. Одно дело, когда князь Владимир загнал всех в Днепр и крестил. Здесь задача была во многом политическая. Поэтому они с Константином Великим и остаются совершенно отдельными персонажами в истории христианства. Но в нормальной обстановке приход к вере должен происходить спо-

койно, мягко, с детства. У меня трое внуков: старшему Серафиму – пять лет, есть еще Ванечка и Фекла. Вот они в храм ходят с детства. У них это все намного естественней. Православие – это уже часть их. Вера должна прививаться, что называется, с младых ногтей.

– *Для кого же вы снимали фильм о первых христианах, на какую аудиторию он рассчитан?*

– Он снимался для широкого круга зрителей. Поэтому мы долго и тщательно выбирали ведущих – для каждой серии своего. В первой, о Петре – это Кшиштоф Занусси, он у нас как мостик между православием и католицизмом. Во второй – Машков. Мне кажется, он так хорошо погрузился в тему апостола Павла, что даже сам изменился. Во всяком случае, с ним интересно было работать. А в пятой серии – Никита Михалков. Мы брали не просто известных актеров и режиссеров, а интересных рассказчиков. Каждая серия – рассказ. Историческая правда, конечно, остается исторической правдой, но, как известно, порой она диссонирует с верой. Надо было искать какой-то компромисс. И потом, мы хотели рассказать эту историю людям не только и не столько верующим, но и тем, кто далек от веры.

– *Думаете, посмотрев ваш фильм, неверующий человек изменится?*

– Я надеюсь, что это пробудит в нем интерес. К этим людям, мученикам, и их идеям. Ради чего, собственно, они страдали? Хотелось перекинуть мостик в то время. Может

быть, кого-то это и направит. Ради этого стоит рисковать.

— *Какие моменты съемок вам запомнились большие всего?*

— Таких моментов было много. Те же съемки у могилы Петра... Но в тот день был еще один интересный случай. Могила апостола находится непосредственно под куполом (на этом месте раньше было кладбище). И вот, пока съемочная группа собирала внизу аппаратуру, я поднялся и оказался в Соборе, прямо под куполом, совершенно один! Это ни с чем не сравнимое ощущение! Там, к тому же, зажгли полный свет, который включают только для папских служб. Представляете, за окном ночь, и я один стою под куполом Микеланджело в залитом светом Соборе. Потрясающе...

Еще был замечательный случай. В Риме есть храм святого Франческо Нового. Там хранятся отпечатки колен апостола Петра. Они прямо выплавлены в камне. Был такой Симон Волхв, и в день Вознесения он, чтобы разоблачить христиан, при огромном стечении людей, стал тоже «возноситься». А Петр молился. И, в конце концов, Волхв упал и разбился. Многие говорят: «да ладно, какие там отпечатки», а для меня это реальность, потому что это было столкновение не только духовных, но и каких-то материальных сил, поэтому и следы на камне остались. Но дело даже не в отпечатках. Настоятель храма открыл нам придел и показал икону, которая была записана другой и открыта сравнительно недавно, в 50-х годах прошлого века. По преданию, ее написал апостол Лука. И я первый раз в своей жизни, прости Господи,

поверил, что это именно та, настоящая икона, а не список. Представляете, она в пятом веке уже была почитаема! До появления рублевской «Троицы» еще 800 лет! А она уже почитаема! И вот стоишь перед ней, думаешь... На территории нашей страны еще вообще непонятно что творилось, а этой иконе уже поклонялись.

Есть там еще одно замечательное место. Это в церкви Санкта Санторум. Там находится лестница, которую святая Елена привезла из Иерусалима. В ней 28 ступеней, она закрыта деревянным настилом, а ступени отполированы паломниками, которые поднимаются по ней на коленях и на каждой ступеньке читают «Отче наш». Это непередаваемое ощущение. А когда поднимаешься наверх, видишь в окошечке икону Спаса Нерукотворного. Для нас ее открыли...

Да мне все запомнилось. Это же Рим! Это такой город, который невозможно до конца изучить.

– *А что это за лестница?*

– Вот мы и сняли фильм, чтобы об этом рассказать... По этой лестнице Иисус поднимался к Понтию Пилату. И когда это доходит, входит в тебя... и когда еще на коленях туда поднимаешься...

– *Вы так же трудно шли к Церкви?*

– Это был длительный процесс, он продолжался, может быть, полгода. Я тогда учился на высших режиссерских курсах. И вот, почувствовал, что мне не хватает какой-то опоры. Не хватает и все, не могу. И крестился. В храме Знамени

Божией Матери на Рижской. Потом там же венчался.

– *Владимир Иванович, вы ведь закончили архитектурный. Как вы решили стать режиссером?*

– Ну, тут судьба. Я, когда закончил институт, довольно быстро понял: тем, что я подразумевал под архитектурой, мне заниматься не придется. На дворе был семьдесят шестой год. Мне нужно было принимать какое-то решение. И я ушел в армию на год, чтобы не отрабатывать три года по распределению. А потом однажды в отпуске встретился с Никитой Михалковым – он по каким-то делам приезжал в Екатеринбург. Мы с ним довольно долго говорили, а под конец он сказал: «А не попробовать ли тебе пойти в кино, в режиссуру?». С этого все и началось. Одним словом, судьба. До этого я все время рисовал, что-то писал. Даже в армии. Кино знал достаточно хорошо – в архитектурном многие им увлекались, прорывались на просмотры Тарковского и других. В результате Оксана Черкасова, например, стала известным аниматором, Бутусов – рокенрольщиком знаменитым. Такой уж период был в архитектурном, многие сменили род деятельности.

– *А как вообще приходит идея фильма, к примеру, того же «Мусульманина»?*

– Мы тогда работали с Валерой Золотухой, мы с ним уже «Макарова» сделали, и он мне в двух словах рассказал эту историю: возвращается из Афганистана, из плена, парень по фамилии Иванов, по имени Коля и все бы хорошо, но он там,

в плену, принял Ислам. Я сказал: «Хорошо, давай будем делать». Меня вдруг «пробило», я словно увидел всю картину. И Валера написал сценарий.

Но, вообще-то, у меня по-разному это происходит. У меня была замечательная картина, она, к сожалению, вышла, когда развалился СССР, и затерялась в межвременье. Она называлась «Рой», по роману замечательного писателя Сергея Алексеева. А идея возникла так: я летел в самолете к родителям, вижу – кто-то забыл журнал, я его взял и прочитал историю о том, как собака, дог, ползет к ослепленному медведю и лижет ему глаза. Потом связался с автором, и родилась картина. Очень по-разному бывает. По большей части – это просто стечение обстоятельств. Но это только на первый взгляд. На самом деле, ты всегда куда-то идешь. И если идешь по правильной дороге, попадаютcя правильные деревья, на них живут правильные пчелы, у которых находишь правильный мед. А если не туда свернул, то никакого меда нет. Внешне выглядит как случайность, но на самом деле... Есть такое замечательное выражение: кто верит в случайность, тот не верит в Бога.

– Есть такой режиссер, Владимир Иванович Хотиненко. Кто он? Что он за человек?

– Сложный вопрос, очень сложный. Я родился на Алтае, в маленьком степном городке Славгороде. У меня многое из детства в голове отпечаталось, но особенно помню один день: ранняя осень, дождичек мелкий, гулять никто не вы-

шел. И вот я сижу под забором, мокрый забор такой, с зеленью... Мог бы домой пойти, но сижу. Смотрю на огороды, домишки, и мне одновременно тоскливо, одиноко и очень хорошо. Так тоскливо и так хорошо!.. Я тогда не читал Чехова, не знал «Трех сестер», но точно помню, в голове звучало: в Москву! в Москву! И поэтическое чувство, зародившееся тогда, по-прежнему живет. Это замес: одновременно и плохо, и хорошо. И весь смысл мироздания в такие минуты не понимаешь даже, а как-то вдруг ощущаешь. Что-то такое до сих пор во мне есть, я все еще тот мальчишка под забором. И еще столько хочется почувствовать, узнать, подготовиться, чтобы потом куда-то туда...

2005 г.

В верующих людей труднее поселить зло

(Интервью В.И. Хотиненко для интернет-издания «православие. ru». Журналист Игорь Зыбин)

Фильм «Поп» повествует о скорбях, радостях и повседневной жизни скромного сельского батюшки, который во время Великой Отечественной Войны окормлял православных верующих на оккупированных немцами территориях. О том, как шла работа над проектом, какое значение фильм приобрел для его создателей, рассказывает режиссер фильма «Поп» Владимир Иванович Хотиненко.

– Владимир Иванович, как случилось, что вы обратили внимание на роман «Поп» Александра Сегеня?

– Это было достаточно давно. Я совершенно случайно, хотя случайностей не бывает (тот, кто верит в случай, как правило, не верит в Бога), встретился с М. Швыдким, бывшим в ту пору министром культуры. Он сказал, что у него есть тема, которая может меня заинтересовать. И в двух словах рассказал мне историю Псковской миссии, о которой я не слышал ни-че-го. При этом он упомянул, что в этой миссии работал отец патриарха Алексия II. Меня эта история очень сильно «зацепила». Во-первых, потому что это совершенно неизвестная большинству страница Великой Отечественной войны. Драма невероятная. Тема тоже невероятно сложная,

потому что это история священников, которые на оккупированной территории Псковской области организовали миссию – ее главой был владыка Сергей (Воскресенский) – и стали исполнять свой священнический и человеческий долг, что (и это совершенно естественно) вызывало, как минимум, двойственную реакцию. Ведь для кого-то они стали предателями... Ведь немцы поначалу помогали открывать церкви, восстанавливать их из клубов и складов. Кстати, это происходило не только в Пскове, а во многих других местах тоже. Я, когда занялся изучением этого материала, узнал много интересного: бывало, люди сами отыскивали какого-нибудь старого батюшку, который уже давно был на покое, приводили его в восстанавливаемый храм, и церковь оживала.

Ведь у этих людей на оккупированной территории, которые оказались фактически брошенными – а их было, по разным данным, от 50 до 70 миллионов человек, единственная опора, которая могла их поддержать, была в Боге и Церкви, где они могли быть рядом, вместе помолиться и укрепиться в окружавшем их неведении, в ожидании лучшего... Это нам сейчас легко рассуждать, а какого было им, когда они видели толпы пленных, бегущую армию? Это совсем другое ощущение! А, может, они думали: мало ли, вдруг это снова 300 лет «монголо-татарского ига»? Бог его знает!..

Меня эта история затронула тем, что не только священники были важны в ней, но и люди. Я вдруг понял, что об этих людях, о том, как они жили, у нас очень мало известно.

Вот, например, какая-нибудь женщина, у которой на руках – тогда много было детишек – пятеро, да еще вдобавок старики родители. И что она должна была делать? Помирать? Или идти пахать, сеять хлеб? Да, немцы брали долю. Кстати, более щадяще, чем большевики.

Но когда у немцев ухудшилось положение на фронтах, они стали требовать от священников, чтобы те служили молебны во славу немецкой армии, хотя я не убежден, что они верили в силу нашей молитвы. Но я думаю, что, если кто из священников и совершал такие молебны, то эти батюшки наверняка лукавили, рассуждая: мол, ладно, отмолю этот грех, Бог с вами. А кто-то ведь отказывался. В частности, владыка Сергей (Воскресенский), на которого было устроено покушение – и он был убит.

Тут еще есть один момент, на который не все обращают внимание и на который нельзя закрывать глаза: может, благодаря этим процессам, которые происходили на оккупированной территории – конечно, не только им, но и им в том числе, – Сталин в 1943 году проявил инициативу, и был избран патриарх. А до этого в 1942 году праздновали Пасху, был ночной крестный ход в Москве.

– Но икону Божией Матери обносили по воздуху, на самолете, еще в 1941 году, до всякой миссии.

– Да, но, во всяком случае, миссия тоже имела значение... Когда на Псковщину пришла Красная армия, тех, кого немцы не арестовали, арестовали наши. Слава Богу, священни-

ков не расстреливали, а отправляли в лагеря, где они сидели долго, минимум по десять лет. Они выходили позже, чем другие наши политзаключенные. И вот эта трагедия людей, драма оказавшихся между молотом и наковальней, меня потрясла.

Но я тогда был занят другой картиной. И поскольку стало известно, что этой темой будет заниматься «Православная энциклопедия», с которой я уже до этого работал, сняв документальную картину «Паломничество в Вечный город», я попросил Сергея Леонидовича Кравца найти хорошего писателя, который бы смог подробно изучить материал и написать книгу. По книге уже можно было делать сценарий. У нас хороших драматургов, особенно умеющих работать с такой деликатной темой, почти нет. Эту тему предложили замечательному писателю Александру Сегеню. Мы с ним встретились, обговорили основные моменты будущей книги, характер главного героя. Как только я прочитал первую страницу рукописи написанного им романа – это был разговор с Мухой, – то сразу понял, что нам есть о чем говорить. Мы быстро нашли общий язык, вместе писали сценарий. Александр Сегень практически постоянно присутствовал на съемочной площадке, мы что-то придумывали по ходу, переделывали.

– А как рождался образ главного героя, образовывались сюжетные линии?

– Какие-то сюжетные линии появлялись из конкретных воспоминаний. Был священник, который оставил воспоми-

нения. Но, в отличие от нашего главного героя, он не остался в России, а уехал и до конца своих дней жил в эмиграции, служа в Русской Зарубежной Церкви. Он оставил хорошие воспоминания, которые мы взяли за основу. Даже воспользовались его фамилией: у него была Ионов, а Сегень переделал в Ионин. Многие Александр Сегень и сам придумал, что-то я находил. Я перечитал уйму материала: хроники, записки, написанные как немцами, так и нашими. В частности, эпизод с мертвой коровой я нашел в простых человеческих воспоминаниях обычного немецкого солдата. В действительности все было намного страшней, чем показано в фильме.

— Сколько времени у вас ушло на изучение материала, его переработку и переосмысливание?

— Около года. Мы искали образ священника. Александр Сегень взял за основу образ своего духовника – замечательного священника. Он приходил к нам, когда мы работали над сценарием, дал нам пояс владыки Сергия – такой чудный расшитый священнический поясок. В фильме Сергей Маковецкий снимается подпоясанный этим поясом. Конечно, мы делали собирательный образ. Мы много смотрели материалов с отцом Иоанном (Крестьянкиным). Манеру поведения Маковецкий в основном брал с него. Слава Богу, что сохранилось много записанных проповедей отца Иоанна, дающих представление о его манере говорить, о его голосе и прочем. Отец Иоанн по характеру показался нам очень нужным для образа нашего главного героя, особенно его близость к лю-

дям. Он фантастически непосредственно со всеми общался. И очень личностно, и очень спокойно, и очень ярко – какой-то невероятный замес.

Правда, мне сейчас передают (я сам в Интернет не залезаю), что многие критики считают нашего героя слишком положительным.

– Действительно, на первый взгляд главный герой фильма кажется идеальным человеком, совсем уж без изъянов.

– А знаете, я, когда впервые смотрел на отца Иоанна (Крестьянкина), не видел у него изъянов. И у других священников не видел изъянов. Вы, когда подходите к картинам Рафаэля, Леонардо да Винчи, ищете там изъяны? Это какой-то порок нашего века! Если раньше в красоте искали суть, то сейчас ищут в чем-то другом – вот это меня очень сильно смущает. И еще смущает, что показ нормального человека вызывает такую реакцию. Это неправильно по существу. Мерзости и так вокруг хватает, вы ее наберете где угодно: и в нашем кино, и в литературе. А нас интересовал вот такой персонаж, как наш отец Александр, именно вот такой. А что значит «без изъяна»? И что мы подразумеваем под изъяном? Нам что, надо было наделить его каким-нибудь пороком? Чтобы он втихую пил, что ли? Или, не дай Бог, еще чего-нибудь? Что подразумевается под изъяном?

А у нашего героя есть характер. Ведь когда он отказывается отпевать – а священник не имеет права этого делать, – он отказывается отпевать – и все!

К тому же проблема подобного главного героя существует во все века, и это самая сложная проблема! Это самая сложная задача! Федор Михайлович Достоевский мучился, когда писал «Идиота», искал подобных персонажей в мировой литературе (тогда кино не было). И оказалось, что есть только Дон Кихот – и все. Наш великий писатель говорил о своем князе Мышкине, что он смешной, трогательный, даже чудакватый порой. Но при чем здесь изьяны?

– *Тогда вас можно поздравить с тем, что вам удалось создать на экране такого героя, который, словно в зеркале, показывает обществу его истинное лицо.*

– Конечно. Я именно так отношусь к своему фильму. И всякая скептическая реакция на фильм – это патологическая реакция, означающая, что человеку о себе пора подумать, прежде всего. Подумать о том, чего он хочет от этого мира, каким он должен предстать перед ним? Что, этот идеальный герой не переживает драму? Что, кому-то показалось, что исполняющий главную роль Сергей Маковецкий не переживает, когда вешают партизан? А сцена, когда его в конце фильма увозят после всех этих событий, – это смирение, то, к чему мы все должны стремиться. У нас бы мир идеальным был, если бы состоял из таких людей, как отец Александр, чего, к сожалению, не может быть.

Для меня это абсолютно принципиальная позиция: мне нужен был именно такой герой – как лакмусовая бумажка. И то время, в которое он мог существовать, как предлагаемая

ситуация.

– Год – это достаточное время для того, чтобы досконально изучить историю Псковской миссии. Какие моменты вас заинтересовали более всего?

– Их много. Сразу стало ясно, что нельзя объять необъятное. Я понимал, что некоторым людям это все будет очень сложно воспринять. Например, история – неважно, легенда это или не легенда, – о том, как немцы спасли Иверскую икону Божией Матери. А есть и хроника, и фотографии. Это сложно понять. Может, они выдумали, а может, и нет, но ее спас из пожара немецкий солдат. И в это можно поверить, ведь они не все были животными и зверьми. Я сам читал нормальные, человеческие воспоминания немцев. Или вот, например, запомнилась фотография, где сидят священники и немецкие офицеры. Глядя на нее, я понимал, сколько она может вызвать разноречивых мнений. Еще мне было интересно то (хотя я об этом особенно не думал), что многие священники, пришедшие работать в Псковскую миссию, – кстати, не только они, но и бежавшие от большевиков эмигранты, – воспринимали немцев как освободителей. Может, закрывали глаза, может, лукавили перед самими собой, но им казалось тогда, что немцы могут освободить Россию, которую они любили не меньше нашего, очистить ее от «большевистской заразы». Еще для меня было очень важно – и это похоже на правду, – что если бы еще пару лет не было войны, то в России не осталось бы ни одного храма. Что это такое?

Промысел Божий? И они так именно к этому и относились. А у них была миссия служить Богу и России, они не служили большевикам. Вот такая идея их жизни, и они считали, что все делали правильно.

Вот мы сейчас, такие умные, думаем, что они заблуждались. Для них это было не так, это очевидно. Это были их убеждения. И это были живые люди. И это была их драма. Да, были и такие, которые по слабости душевной служили немцам, просто испугавшись. Ведь есть такое заблуждение, что священник – это какой-то совсем необычный человек. Так думать неправильно. В идеале так и должно быть, но ведь священники – это такие же, как мы, люди, которые – по разным причинам – выбрали путь служения Богу. Одно дело, когда – я знаю такой случай – танкист горел в танке и, хотя был совершенно неверующим, попросил Бога сохранить ему жизнь и обещал Ему служить за это. И стал впоследствии священником. Это идеальный случай, хотя и у этого человека могут быть слабости, но это яркий пример выбора пути служения Богу. Но были и другие. Поэтому не стоит удивляться, что кто-то проявлял слабость.

Меня потрясла одна вещь: партизаны казнили одного священника, служившего немцам, что-то вырезав на его теле. Это чудовищно! Каким бы он ни был... Другие священники помогали партизанам. Действительность была многогранной и совершенно неоднозначной. Все зависело от конкретного священника.

– По большому счету, вы сняли фильм не о Псковской миссии, а о милосердии...

– Да, конечно, Псковская миссия – это повод. Так всегда должно быть, чтобы с помощью какого-то повода высказать-ся о чем-то более обширном и значимом.

– ...и главный герой – это остров милосердия среди кошмара и жестокости войны.

– Вне всякого сомнения. А на съемках каждую секунду мы: я, Александр Сегень, Сергей Маковецкий – думали, как не свалиться в некую сусальность, в некий глянец, а максимально приблизиться к настоящей человеческой жизни. Мы постоянно об этом думали. Но мы не искали пороков в нем, нашем герое, просто шли другим путем, пытаюсь сделать его живым человеком. И вроде бы своими словами даже это объяснили. Вот, в разговоре с прихожанином, который жалуется на свою жену, отец Александр говорит: мол, и мне иногда свою хочется прибить. В другом месте тоже в уста главного героя вложили фразу, расставляющую все по своим местам: «Что же такое получается: мы предателями будем?»

Мы не играем, не прищуриваемся, делая вид, что ничего не видим; не прячемся от этой правды. И помните, что отвечает владыка Сергей? «Народу нашему под немцем и так худо будет. Неужели мы его оставим без Божиего благословения?» Вроде бы на все ответили, расставили фигуры на доске жизни, показав, что вот к этому подходим вот так. Смотрите по этим правилам. Нет, наши критики как будто бы дру-

гое кино смотрели! Может, стереоочки не сняли после просмотра «Аватара»? Я не знаю, я не понимаю, отчего это. От черстводушия? Как можно не понять, что на таких людях, как отец Александр, все и держится?!

И вдруг – меня от этого чуть покорило; наверное, и дальше будет коробить всю жизнь – я догадался: эти люди не верят в силу молитвы. Для них это все абстракция. Для них такое служение, которое показано на примере отца Александра, – это просто спасение личной жизни, и все. Хотя я глубоко убежден, что если бы не дети, отец Александр – и в тексте об этом прямо говорится, – он бы не боялся, потому что уже лагеря прошел. И когда его допрашивали НКВД-шники, он сказал, что согласен с тем, чтоб всем было хорошо, но ничего не может сделать с тем, что молился за Родину. Поэтому люди, которые не верят в силу молитвы, не могут понять, что это такое. Совершенно. И самое чудовищное, что Сталин поверил в силу молитвы, а они не верят. Так что же это такое?

Другой вопрос, что не все верующие, что есть атеисты. На здоровье! Хорошо, тогда посмотрите на эту историю просто по-человечески. Пройди и проживи с отцом Александром эту гуманитарную историю. Один зритель мне написал, что, с его точки зрения, отец Александр выступает как социальный работник. Бог с тобой. Не веришь ты в Бога, посмотри на отца Александра как на «социального работника». Попробуйте и вы так, спасите пяток детей. Из Саласпилса. Спа-

сите – и все простится вам.

– *Другая тема, которую вы обозначили в фильме как важную, – это возрождение веры перед лицом смерти.*

– Да, очень важной и принципиальной для нас была сцена, когда достают колокола и открывают роспись на куполе в храме. Я люблю эту сцену. Для кого-то она слишком пафосная, а кого-то раздражает так сильно, как будто окропили его святой водой. Прямо аж зашипело. А что такого? Что?

Я очень хорошо помню: когда настало время перестройки и стали показывать наши разрушающиеся храмы, сколько было стенаний после этих документальных фильмов. Сейчас мы показали, как люди восстановили храм в условиях войны, и это вызывает бесовскую реакцию. Это поразительно! Что-то не так «в Датском королевстве». А для меня это важно, и все. Я непоколебим, потому что крестился я тогда, когда нельзя было это делать – 30 лет тому назад. Слава Богу, я пережил разные времена. Но даже, получается, не хватает и этого милосердия. А что же нужно? Я понимаю, что нужно этой либеральной мысли: хорошо было бы, если бы у священника был какой-то порок, если бы он был пьяницей, а еще лучше, если он окажется педофилом. Вот тут бы проснулся живой-преживой интерес, о-го-го какой! Как это печально...

– *Скажите, как вы искали актера на главную роль?*

– Это было сложно. У нас были долгие пробы. Сергей Маковецкий – мой любимый актер, но по сценарию священник

был постарше, более пожилой. Но моя жена Татьяна убеждала меня, чтобы я взял Сергея. В конце концов мы попробовали Сережу, и, слава Богу, все получилось. Тем более что уже была выбрана на главную женскую роль Нина Усатова. Она была сразу безусловным кандидатом и для меня, и для Сегеня. Станным образом мы начали с матушки. Хотя чего тут странного? Матушка – это такой мостик между несколько отдаленным от паствы священником и паствой. Священник хоть и является центром приходской жизни, все равно отдельный человек. Сколько я ни встречал священников, они абсолютно другие, чем остальные люди. Разных встречал, даже не очень красноречивых, слабых, но в вопросах веры они абсолютно другие. И это особенно заметно по глазам.

Я опасался, что Нина Усатова с Сережей Маковецким, выражаясь киношным языком, «не смонтируются в кадре». Оказалось, что мои опасения были абсолютно напрасны, и получилась совершенно замечательная пара.

– Вас не смущало, что примерно в то же время Сергей Маковецкий играл абсолютно противоположного персонажа в фильме «Чудо»?

– Там тоже не совсем простая роль. Я внимательно смотрел картину А. Прошкина и работу Маковецкого в ней. Он там не простой уполномоченный. И хотя в фильме это и не показано, но, может быть, он, этот уполномоченный, в отличие от всех остальных, и пришел потом к Богу. Уполномоченный ведь только исполнял свою непростую службу, ис-

полнял мастерски свой долг. Может, он такой Савл своеобразный. Не исключаю, что я что-то себе выдумал, но сути это не меняет. Сережа играл характер намного сложнее, чем рядового уполномоченного-искусителя.

— Вам в жизни много встречалось таких священников, как главный герой вашего фильма?

— Их много, наверное, не может быть, но встречать приходилось. Я не хочу их поименно называть. Я встречал разных священников. Но я стараюсь, пусть и не всегда получается, придерживаться правила, взятого после того, как крестился: не осуждать священника, каким бы он ни был. Все 30 лет я старался этому следовать. Еще раз подчеркну: не всегда это получается, иногда испытываешь искушения и раздражение. Но в любом случае, это полезно для меня, потому что всякий раз получалось разглядеть священника. Всякий раз мне удавалось различать то, что позволяло считать этого человека настоящим священником. И меня радует, что я видел очень разных священников: и резких в суждениях, и чуть ли не погоняющих бабок крестом, по-разному общающихся с паствой, косноязычных, ярких, но за этим такая жизнь! У нас консультантом картины был игумен Кирилл (Коровин), настоятель храма Святой Троицы в Листах. Вот он очень яркий человек. И смиренный.

Хотя я общался немного, но у меня остались очень яркие воспоминания о патриархе Алексии II. Может быть, когда-то я их запишу.

– Вы сказали, что для образа главного героя очень много взяли от отца Иоанна (Крестьянкина). А что вы взяли от старца в свою жизнь?

– Даже если бы я знал, что взял, то не стал бы перечислять. Не стал бы искушать ни себя, ни обстоятельства. Но, поверьте на слово, много. Для меня этот фильм – очень личный опыт, очень личное потрясение. Даже принятие решения. Понимаете, если ты принимаешь решение за персонаж, а это во власти режиссера сказать актеру, что делать, то ты совершаешь выбор, несмотря на то, что ты его делишь с актером и сценаристом. Здесь было очень много вещей, которые я выбирал вместе с героем. Это был очень личностный опыт, и поэтому я люблю эту картину.

– Как режиссер вы прожили часть жизни вашего героя, причем самую главную часть. Насколько это встряхнуло вашу жизнь?

– Зачем встряхивать? У меня такая жизнь, что ее не нужно встряхивать. Нет ни малейшей необходимости. Но эта картина совершенно определенно укрепила меня в православной вере. Я прошел путь сомнений, узнал много такого, что способно смутить, поколебать. Но я знаю одно, что картина меня укрепила. Если бы я оказался в таких же обстоятельствах, то в силу своего характера был бы подпольщиком, партизаном. А эта картина позволила мне прожить жизнь со священником.

– Премьера фильма состоялась на Пасху. Что это зна-

чит для вас?

– Для меня это очень ответственно. Я как-то робел. Это была не моя инициатива; не знаю, решился бы я сам на такое. Я боялся, что будет какой-нибудь сбой, что-то не получится. Но, слава Богу, все прошло хорошо при присутствии хорошего человеческого собрания, хотя священников было не так и много. Мне прислали sms-ку из Оптиной пустыни: «Всем посмотревшим отцам фильм очень понравился, благодарили и плакали». Вот это для меня очень важно. Важнее всего. Пусть потом говорят что угодно. «Благодарили и плакали». И все. Точка. Мне больше ничего не нужно.

В фильме есть историческая правда. Что это такое? Я давно декларировал, что не верю в историческую правду, еще со времен фильма «1612». Что такое историческая правда? Ее нет, не может быть, потому что ее пишут люди. Но я верю в правду чувств. Чувство – это единственный критерий. Да, ребенку можно объяснить, что такое совесть, как жить по правилам. Да это все написано в Священном Писании, только бы жили по этому! А разве кто живет? Хотя были такие святые, которые жили по заповедям. Там сказано, что горы можно сдвинуть по вере.

Недавно я присутствовал при совершенно фантастическом действии в Сергиевом Посаде. Студенты ВГИКа каждый год ездят дарить ветеранам подарки – традиция у них такая. Полный зал стареньких ветеранов в медалях. Я такого не видел давно. Студенты двух мастерских пели фронтовые

песни; все было очень просто, без декораций и костюмов. И когда в финале запели «День Победы» – я вспоминаю это с мурашками по спине, – женщина-ветеран, которая с трудом пришла на концерт, встала, опираясь на костыль. И за ней встал весь зал, и плакали все – и студенты, и ветераны. Вот это правда чувств! Это был урок, который не расскажешь никакими словами, не прочтешь ни в каких книгах. Этот момент ничем не заменишь!.. Поэтому я верю в правду чувств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.